

*Игумен Виталий (Уткин Игорь Николаевич)*¹. **Изучение проблематики русского религиозного радикализма XVII - XX веков как средство профилактики алармизма и экстремизма в молодежной среде**

Аннотация: В статье обсуждается возможность применения выводов теологического изучения русского религиозного радикализма XVII - XX веков в качестве средства профилактики алармизма и экстремизма. Дается оценка радикального дискурса прошлого в сравнении с современным псевдорадикализмом ряда «старцев», именующих себя православными.

Ключевые слова: радикализм, алармизм, псевдорадикализм, духовный Антихрист, коллективный Антихрист, странники-бегуны, федосеевцы, старцы, схимонах, схиигумен, схиархимандрит.

Одной из задач теологического образования является профилактика религиозного экстремизма, особенно среди молодежи.

¹ Игумен Виталий (Уткин Игорь Николаевич), секретарь Архиерейского совета Ивановской митрополии, ученый секретарь и старший преподаватель Иваново-Вознесенской духовной семинарии, руководитель Миссионерского отдела Иваново-Вознесенской епархии, преподаватель теологии Ивановской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России, аспирант Общецерковной аспирантуры и докторантуры им. свв. равноап. Кирилла и Мефодия, автор 35 научных работ (inok_vitl@mail.ru; IстинаResearcherID (IRID): 332282237).

Религиозный радикализм появился в эпоху Модерна. Он является реакцией на секуляризм.

К настоящему времени традиция исламского радикализма, как социополитического и социокультурного явления насчитывает не одно столетие и основывается на определенной экзегезе сакральных текстов. Даже неофиты, присоединяющиеся к таким радикальным движениям, входят в пространство этой весьма развитой традиции.

Современный православный радикализм (как более узкое явление) и алармизм (как более широкое явление) не имеет, в отличие от исламского радикализма, четких мировоззренческих оснований.

"Царебожничество" и антиинэнэнизм начала 2000-х годов, религиозная составляющая антипрививочного и антицифрового движения нашего времени опираются на достаточно размытый идейный фундамент.

Социокультурные роли, играемые лидерам этих радикальных «православных» мнений, в большинстве случаев носят характер симулякров. Это обусловлено отсутствием укорененности самих лидеров мнений в устойчивой духовной традиции.

Приведем для наглядности примеры их биографий, не называя конкретные имена живых людей.

На протяжении последних полутора десятков лет автор наблюдает таких лидеров мнений радикального дискурса как ныне изверженный из сана схиигумен, заштатный схиигумен и запрещенный в служении схиархимандрит. Окружение десятилетиями презентовало их в качестве «прозорливых старцев».

Никто из этих «старцев» вообще не имеет духовного образования.

Один из них - бывший милиционер, изгнанный из органов, работавший затем в торговле и впоследствии отсидевший за предумышленное убийство.

Другой стал священником, придя с должности лесника.

Третий - бывший грузчик, сильно пивший, бивший жену, разведшийся с ней и бросивший свою дочь.

Двое вообще не формировались внутри какой-либо монашеской преемственной традиции. Они были сходу, из мирского состояния рукоположены, сразу стали самостоятельными и самодостаточными настоятелями, руководителями духовной жизни больших групп людей.

Третий заявлял, что изначально воспитан неким "святым" мирянином, верившим в глоссоластию (возможность говорения на «ангельском языке») и в переселение душ. Затем будущий «старец» подпал под влияние специфической монашеской общинки 80-90-х годов, сочетавшей православие с индуистской ведантой, "Бхагават-гитой" и строившей свои духовные практики по "Розе мира" Даниила Андреева.

Этот "великий православный старец" в своей первой книжке писал: "Если нагрешил в жизни - родишься снова бычком, пожухешь год траву, тебя забьют и так ты искупишь свои грехи".

Все "старцы", приведенные в качестве примеров, занимали алармистские позиции. Они десятилетиями нагнетали антиинэнэновские настроения. Один из них духовно окормлял знаменитых некоторое время назад «пензенских затворников», запиравшихся в пещере в ожидании близкого Второго пришествия. Двое были своеобразными «столпами» «царебожничества» двадцатилетней давности.

Главным основанием деятельности этих «старцев» является манипулирование людьми. Люди обращаются к ним по тем же психологическим мотивам, что и к шарлатанам, именующим себя «колдунами», «экстрасенсами», «целителями». Эти мотивы - стремление переложить ответственность за жизненный выбор на другого человека, поиск магического разрешения существующих проблем.

Однако «старцы» имеют несравненное преимущество перед светскими «целителями» - формализованную принадлежность к Русской Православной Церкви, возможность говорить и действовать от ее имени.

Приведенные в качестве примера «старцы» эксплуатируют страх и невежество, но делают это от лица Православия.

Во всех трех приведенных выше примерах, «старцы» добивались от священноначалия пострижения себя в великую схиму. При этом они не собирались исполнять великосхимнические обеты, не уходили в затвор на хлеб и воду, но продолжали принимать паломников и психологически манипулировать ими. Схима оказывалась нужным им внешним знаком дополнительной легитимизации как бы особого духовного статуса.

Развитые способности к манипулированию людьми не только монетизировались «старцами», но и использовались ими для привлечения к себе представителей власти. Это важный момент, который стоит отметить отдельно.

Политические идеи, транслируемые подобными «старцами», носят эклектичный характер, но всегда связаны с возвеличиванием тех или иных форм государственной власти. Здесь и «святость» царя Ивана Грозного, и миф о принятии монашества Сталиным, и

представления о России в ее нынешнем виде как оплоте против мирового духовного зла.

Один бывший схиигумен, перешедший в политическую оппозицию, заявлял, что на Рождество Богородицы, 21 сентября 2020 года, миру, якобы «явится Антихрист с лицом Путина» (что, как видим, не исполнилось). Но при этом тот же схиигумен обращается периодически с призывами к «офицерам армии, флота и ФСБ».

Так как подобные «старцы» всегда стремились к контролю над теми или иными представителями власти, к монетизации этих связей, они при всем своем кажущемся эсхатологизме, не отрицают действующую светскую власть (или хотя бы ее составные части).

Почитание Сталина в качестве парадигмальной властной модели не позволяет им отринуть светскую социально-политическую реальность как таковую, объявить историю России с какого-либо момента абсолютно антихристовой.

Одним из результатов такой эклектики оказывается сложность ее комплексной критики, особенно в деле профилактики экстремизма.

Думается, что значимым теологическим инструментом для такой критики может быть обращение к реальной проблематике русского религиозного радикализма XVII - XX веков.

В его дискурсе внешний по отношению к общине радикалов мир воспринимался как пространство абсолютного зла, как царство коллективного, «духовного» Антихриста.

Под таким Антихристом понималась не имеющая прийти в будущем личность «из колена Данова», но вся совокупность апостасии, выраженная в действующей государственной власти и ее мероприятиях, социальности.

Не только переписи населения, паспорта, деньги, но и любая власть представляли в этом идейном поле как прямое проявление такого Антихриста.

Мир, с точки зрения русских религиозных радикалов XVII – XX столетий, не просто десакрализован, но антисакрален. Основой такой антисакральности служат, с их точки зрения таинства «господствующей Церкви». Последние провозглашались радикалами «антитаинствами». Внешний мир в этом дискурсе - антицерковь и антители, противоположное Телу Христову. Подлинное же Тело Христово в таком случае - исключительно община верных.

Соответственно, вступление в такую общину верных возможно только через полное отречение от апостасийного мира, новую инициацию и сакрализацию, которыми является повторное крещение.

Десакрализация внешнего по отношению к общине мира, проявляется через вошедшие в жизнь апостасийного общества новые обычаи, платье, продукты питания. Например, в русском религиозном радикализме резко отрицались не только табак, кофе и чай, но и картофель. Последний воспринимался в качестве «антихлеба», то есть бесовской подмены хлеба, духовного симулякра.

Как и в случае исламского радикализма русский религиозный радикализм XVII - XX веков опирался на специфическую экзегезу сакральных текстов. В данном случае речь идет о текстах Священного Писания и православного Предания.

Русский религиозный радикализм породил свою обширную литературу. Например, о картофеле в произведениях круга чтения русских религиозных радикалов рассказывалось, что это «сатанинская трава карт», произрастающая из «тела блудницы».

Русский религиозный радикализм не является прямым следствием церковного раскола. Его история начинается в период расцвета аскетического движения сразу после окончания Смутного времени XVII века. В качестве первых таких радикалов следует рассматривать так называемых «капитоновцев» - последователей иеромонаха Капитона. Он изначально устроил два монастыря на средства царя Михаила Федоровича, но затем в результате конфликта был выдвинут властями за границы Церкви.

Парадигмальным проявлением русского религиозного радикализма, с точки зрения автора, следует считать учение странников-бегунов. Они вели свою историю от соловецкого восстания 1668-1676 годов.

Антихристовым для бегунов во внешнем мире было все, даже деньги, от употребления которых они отказывались. Согласно 11-й главе 3-й книги Ездры они видели в двуглавом царском орле печать Антихриста. Когда бегунам указывали на то, что в этом библейском тексте орел, обозначающий Антихриста, является трехглавым, они остроумно отвечали, что третья, самая главная голова обозначена в русском гербе третьей короной над пустым пространством.

То есть коллективный «духовный» Антихрист оказывается для бегунов своеобразным симулякром, обманкой пустого места. В качестве такого пустого места они воспринимали не только чиновников и богатых людей внешнего мира, но и всех, кто не прошел повторного крещения и не приходит в сообщество верных, произнося имя Иисусово (бегуны придерживались дониконовских обрядов и соответствующего написания имени Спасителя).

Именно спор о невозможности возможности молиться за власть отделил в беспоповстве радикалов-федосеевцев от умеренных

поморцев (раскол конца XVIII века), а в поповстве – радикалов-неокружников от умеренных окружников (раскол 60-х годов XIX века).

Не новым является, например, отрицание переписей, метрик (баз данных) и прививок. Например, находясь в эмиграции в Австро-Венгрии, старообрядческие поповские общины в середине XIX века, активно боролись как против записи своих членов в австрийские метрики, так и против оспопрививания. Если не помогали взятки чиновникам, поповцы угрожали санитарным врачам убить своих детей, только бы не допустить их взятия в удел Антихриста через прививку от оспы.

Перед нами абсолютно целостная и последовательная позиция.

По пути русских радикалов шли православные катакомбы 20-х годов XX века, отрицавшие в качестве «духовного» Антихриста власть коллективного «ленина-троцкого». Весьма характерно, что если внецерковные религиозные радикалы дореволюционного периода видели источником лжесакральности таинства «господствующей» Греко-Российской Церкви, то участники раннего церковного катакомбного движения перенесли представления о лжесакральности на церковные структуры обновленцев (официальную, «антитихоновскую» советскую церковь в 1922-1927 годах).

По всей видимости, в этой же логике следует рассматривать и непризнание рядом церковных людей митрополита Сергия (Страгородского) после известной декларации 1927 года.

Однако современные тоталитарные группы, собранные вокруг как бы радикальных «старцев», как указывалось выше, принципиально отличаются от этого старого русского религиозного радикализма.

Русские религиозные радикалы прошлого были глубоко верующими, укорененными в своей традиции людьми. Как минимум один бегунский монастырь просуществовал в тайге с XVIII столетия

до 80-х годов XX века. Бегуны полностью отрицали окружающий мир. Никаким бегунским лидерам не пришло бы в голову дружить с полицмейстером, городским главой или богатым предпринимателем, принадлежащими к «господствующей» Церкви.

Приняв повторное крещение, радикалы не мимикрировали под «господствующую» Церковь. Они смело предъявляли полиции «паспорта», составленные ими самими, где было написано, что документ выдан в Небесном Иерусалиме Господом нашим Иисусом Христом. И шли за это в тюрьму.

Автору вспоминается изучавшаяся им община, собранная в 90-е годы XX века вокруг очередного как бы православного «схимонаха».

Вступить в нее можно было исключительно через повторное крещение. Однако для успешности деятельности последователей схимонаха было принципиально важно позиционировать себя в качестве чад именно Русской Православной Церкви. Поэтому повторное крещение объяснялось членам этой общины не как отречение от мира зла, а как исправление ошибок, якобы допущенных крестившими их изначально священниками.

Объяснение настоящих оснований повторного крещения в русской радикальной традиции могло бы помочь запутавшимся людям вырваться из такой секты.

Русский религиозный радикализм XVII – XX веков предстает в качестве целостного культурного и идеологического явления.

Псевдораликализм нынешних «старцев-схимников» оказывается манипулированием страхами людей, не укорененных ни в какой традиции. Еще несколько лет назад он был и манипулированием некоторыми представителями власти и бизнеса ради усиления власти и достатка таких «схимников». Сейчас, прямо на наших глазах, ситуация, к счастью, начинает меняться.

Изучение дискурса русского религиозного радикализма позволяет поставить принципиальные вопросы перед теми, кто хотел бы усидеть на двух стульях – сохранить свою укоренность в мире и рассуждать об Антихристе, не зная и не желая ничего знать о трехвековой русской концепции «духовного Антихриста».

Для профилактики религиозного экстремизма нужны четкие теологические знания. Нужен ясный теологический анализ тех уклонений от православной Традиции, которые были допущены русскими религиозными радикалами прошлого и прямое проговаривание выводов из их основных идей.

Вряд ли многие сейчас всерьез захотят принять такие выводы. В первую очередь это касается самих псевдорадикальных лидеров мнений. Ведь иначе они потеряют свою власть над людьми.

В случае принятия концепта «духовного» Антихриста такие общины потеряют и большинство своих членов. Ведь эти члены не укоренены в конкретной многовековой традиции, они не опираются на четкие сакрализованные тексты. Они – просто объект манипулирования со стороны тех, кто эксплуатирует их страхи и невежество.

Дореволюционные участники радикальных движений были совсем не таковы. По мнению автора они достойны уважения за свою последовательность и целостность, а вот современные лидеры и члены псевдоордикальных как бы православных общин – нет, так как не обладают ни последовательностью, ни духовно-интеллектуальной целостностью.

Литература:

1. Виталий (Уткин), игум. «Бегство от Вавилона» vs общая исповедь как Страшный суд (эсхатологические воззрения

русского радикального старообрядчества и последователей святого праведного Иоанна Кронштадтского) // Тетради по консерватизму. 2020. №1. С. 143-159.

2. Виталий (Уткин), игум. Образ власти в старообрядческом поповстве // Тетради по консерватизму. 2020. №1. С. 376-393.
3. Виталий (Уткин), игум. Повседневность, пища и вера: к тезису Ю.Ф. Самарина о "формализме" допетровского периода церковной жизни // Тетради по консерватизму. 2019. №2. С. 268-279.
4. Виталий (Уткин), игум. Эсхатологические основы конгрегации в русском религиозном разномыслии // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2019. №6. С. 77 – 87.